

Эсхил, Прометей закутий. Перевод с греческого и комментарии В. Тена. Вступительная статья А. И. Белецкого. «Искусство», Киев, 1949 (на украинском языке).

«Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре», — так Марк охарактеризовал идейный и исторический смысл бессмертного образа, данного Эсхилу в его трагедии «Прометей прикованный». Трагедия о мифическом титане-богоборце, спасшем человечество от гибели тем, что дал ему огонь, мысль, культуру, знание, стремление и надежду, — одно из самых замечательных произведений античной поэзии, глубоко интересующее и волнующее нашего советского читателя. Об этом исключительном интересе говорят многократные русские переводы «Прометея прикованного», вышедшие у нас за последние годы в различных изданиях.

Рецензируемый нами полный украинский перевод трагедии с греческого подлинника появляется впервые за все время существования украинской литературы. Предпосланное трагедии большое (на 90 страниц) введение акад. А. И. Белецкого — исследование, далеко выходящее за рамки обычной вступительной статьи. В нем обсуждаются не только вопросы историко-философского и социально-политического смысла трагедии, но и связанные с пониманием ее некоторые общие проблемы литературоведения. Отвергнув буржуазные абстрактные, идеалистические толкования, А. Белецкий рассматривает «Прометея прикованного» в конкретно-исторической обстановке Афин семидесятых годов V в. до н. э. Борьба между аристократией и демократией привела тогда к временному поражению последней и к изгнанию ее вождя Фемистокла. Трагическая судьба этого лидера афинского демоса, смелого деятеля не только в области политики, но и в области военно-морских, технических и иных нововведений и преобразований (в частности, в кораблестроении и рудоразработках), могла послужить для Эсхила идейным «толчком» к переосмыслению древнего мифа о Прометее. Это, однако, отнюдь не значит, что в образе Прометея воплощен Фемистокл. Такое понимание было бы вульгаризацией. Смысл образа несравненно шире. Здесь поэтически обобщены прогрессивные стремления демоса, здесь отражен глубокий драматизм его борьбы против реакционных сил, сковывающих исторически прогрессивные начинания (стр. 57). Общественно-политическими соображениями, а также сопоставлениями мифических свершений Прометея (в трагедии Эсхила) с исторической деятельностью Фемистокла автор статьи по-новому обосновывает эту, уже, правда, не новую, гипотезу. Он показывает, что «образы мифа поэтом выбирались не случайно: Эсхил выбирал те, которые помогали ему осознать окружающую его действительность, активно на нее реагировать» (стр. 62).

Как же Эсхил осознал эту борьбу демократии с аристократией и как он на нее реагировал? «Отец трагедии» не был сторонником демоса — субъективно, значит, Эсхил не на стороне Прометея. «Но гениальный художник, великий гуманист, он с такой «объективностью» дал возможность высказаться той стороне, взглядов которой он, как общественный деятель, не разделял, что мы принимаем эти высказывания, не думая о «субъективных» намерениях поэта» (стр. 63). Подобное расхождение намерения автора с объективным смыслом произведения — явление, иногда имеющее место в мировой литературе. А объективное содержание трагедии, направленное против произвола и деспотизма, «против всех небесных и земных богов» (M a r k c), против всего того, что враждебно человечеству и его культуре, глубоко революционно. Такова в общих чертах концепция А. Белецкого.

При недостаточности сведений, которыми мы располагаем о политической биографии Эсхила, при наличии лишь десятой доли из всех созданных им трагедий, при неясности содержания двух несохранившихся частей трилогии, к которой относится «Прометей прикованный», считать эту концепцию совершенно бесспорной, конечно, не приходится. Несомненно, советским историкам античной литературы предстоит еще большая работа над марксистским освещением сложных проблем эсхиловой трагедии. Но из различных толкований «Прометея прикованного» объяснение, данное А. Белецким, кажется наиболее надежным, наиболее убедительным и вероятным.

Касаясь вопроса о принадлежности «Прометей прикованного» Эсхилу, автор статьи справедливо отвергает доводы, по которым некоторые буржуазные эсхиловеды исключают эту трагедию из числа произведений великого драматурга. Изъямая трагедию из творчества Эсхила, они тем самым развязывают себе руки для того, чтобы ее обеднить, чтобы опорочить и дискредитировать ее высокий социальный и философский смысл. Изъятие ее из поэтического наследия великого трагика нужно буржуазным филологам для того, чтобы расправиться с революционным произведением, чтобы снизить высокое идейное и художественное звучание его. Но соображения этих буржуазных эсхиловедов грубо тенденциозны и совершенно несостоятельны, а их утверждения и выводы в корне неверны.

Весьма показательным, что подготовка этой расправы над «Прометеем прикованным» началась в конце прошлого столетия, т. е. тогда, когда буржуазия становилась империалистической, наиболее враждебной всей передовой науке и культуре, революционным начинаниям и стремлениям, воплощенным в образе титана-богоборца. В статье А. Белецкого этот важный хронологический момент упущен; упущены и некоторые другие моменты, весьма интересные для трактовки эсхиловой трагедии в буржуазной классической филологии. На вопросе об исключении «Прометей прикованного» из поэтического наследия Эсхила стоит вкратце остановиться.

Поход против трагедии Эсхила открыл в 1896 г. немецкий формалист Бете. Рассмотрев сложную метрику «Прометей прикованного», где ямбический триметр «без всякого основания» чередуется с анапестом и где имеется также «везаконный» бакхический стих, Бете делает вывод, что «такое пошурри в древней трагедии неслыханно и в высшей степени бесстыльно» и что произведение Эсхила переработано в двадцатых годах V в. (через 50 лет после его создания). Идейно-философской стороны трагедии Бете как будто и не касается. Он как будто делает только формальные наблюдения и заключения, по сути их тем не менее ясна: если «Прометей прикованный» дошел до нас в переработке «бездарного литературного ремесленника», несмыслящего халтурщика (*verständnislosen Stümpers*), то велика ли ее цена? Не говоря об идейном содержании трагедии, Бете, по сути, только не договаривает.

За этой попыткой снизить трагедию Эсхила следует ряд других: немецкий филолог Вакернагель приходит на помощь Бете своими наблюдениями над языком «Прометей прикованного», в котором обнаружил несколько больше (на четыре), чем в других драмах Эсхила, форм так называемого результативного перфекта. Идет подготовка и накопление и иных «улик» — не только за то, что произведение переработано, но и против первоначального авторства Эсхила. За изъятие «Прометей прикованного» из поэтического наследия великого трагика выступил во всеоружии этих улик Герке (1911 г.). Его рассуждения — сплошная формалистическая казуистика, для представления о которой достаточно привести лишь последнее его соображение, почему все же в древности не сомневались в принадлежности трагедии Эсхилу: «Прометей прикованный» просто оказался в одном переплете с эсхиловой трагедией «Прометей освобожденный» и потому был причислен к произведениям знаменитого драматурга... А раз это так, то «Прометей прикованному» можно вынести такой приговор, который никто из буржуазных филологов не отважился бы раньше высказать. Эта трагедия лишена подлинной глубины поэтической мысли и лирического настроения; она художественно бледна и немощна. Так характеризуется одно из величайших созданий греческого гения.

Интересно, что по другим, но тоже формальным, мотивам крупнейший из буржуазных знатоков Эсхила Вилламовиц-Меллендорф отверг эти соображения Бете и Герке. В частности, об исходном формальном доводе их — о необычной метрической композиции монолога прикованного титана — Вилламовиц говорит с едким и вполне справедливым сарказмом: «Если б поэт счит нужным дать здесь десять триметров и двенадцать анапестов дважды, тогда критики с восхищением регистрировали бы эллиптическую симметрию, а что в стихах написано, было бы для них неважно; как может титан на распятии петь симметричные песни, — над этим вопросом они не задумываются. А так они утверждают, что стихи никак Эсхилу принадлежать не могут».

Изымание «Прометея прикованного» из творчества Эсхила продолжалось: Вильгельм Шмидт довершил в специальном большом и насквозь формалистическом исследовании (1929 г.) ревизию трагедии, а Пордиг в своей работе об Эсхиле уже и не считает нужным на ней останавливаться: будто бы «фигурой умолчания» можно избавиться от образа Прометея, образа, в котором «сочетались гармонически *ratio* и *intuitio*» (М. Г о р ь к и й) борьбы за счастье человечества.

А. Белецкий правильно вскрывает классовый смысл этого похода буржуазной филологии против бессмертной трагедии Эсхила, но истории вопроса он не излагает, хотя в такой большой статье это можно и нужно было сделать. Рассматривая обширную галерею послэсхиловых «Прометеев», А. Белецкий отвергает компаративистскую теорию «вечных образов», пресловутую поэтику «бродячих сюжетов» Веселовского и приходит к заключению, что «многие Прометей в буржуазных литературах Европы были только однофамильцами античного предка» (стр. 94). Нужно заметить, что «однофамильцы» Титана были в поэзии и добуржуазного периода.

Из античной литературы автор вступительной статьи касается Прометеев в «Птицах» Аристофана и диалогах Луккиана, а также некоторых упоминаний об этом титане у Горация и Овидия, но почти не останавливается на идеологической борьбе в древности вокруг темы, которой посвящена трагедия Эсхила. А между тем уже тогда были хвалители и хулители дела Прометея и не только в тех произведениях, где о нем говорится прямо, но и в таких, где имя Прометея не упоминается, как, например, в легенде о смене веков от гесиодовой версии до интерпретации ее в псевдосенековой «Октавии» и произведениях поздней античности.

В литературе нового времени автор статьи резко отграничивает прогрессивную и революционную «Прометсану» (произведения Гердера, Гете, Шелли, Байрона и др.) от регрессивных интерпретаций образа, идущих от реакционных романтиков Шлегеля и Леопарди до фашистского циника Андре Жюда. Вряд ли здесь к «различным мелким поэтам», писавшим о Прометее, следовало причислить Карла Шпиттелера. В приведенную А. Белецким весьма обширную «Прометсану» нужно было включить и имеющееся в русском переводе произведение Липинера «Освобожденный Прометей».

Исключительный интерес представляет впервые собранная А. Белецким русская «Прометейана». Здесь просмотрены не только поэтические произведения совершенно различного идейного содержания («Прометей» Губера, Бенедиктова, Огарева, Я. Полонского, декадентов и символистов Минского, Вяч. Иванова и др.), но и ценные суждения революционно-демократической критики (Белинского, Герцена, Писарева). Русская «Прометейана» прослеживается автором статьи от замечательных стихов Ломоносова в его поэме «О пользе стекла» — стихов, исполненных пафоса науки и перекликающихся с приведенными в начале нашей рецензии словами Маркса о Прометее:

*...Не свергла ль в пагубу наука Прометея,
Не злась ли на него несправдливый полк
На знатны вымыслы сложил неправый толк?
Как много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность в ней, на правду строя ков —
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло безвозвратно!*

Не менее интересным является данный А. Белецким свод украинских «Прометеев», начинающийся здесь вступительными стихами поэмы Шевченко «Кавказ» и доведенный через стихи Ивана Франко, Леси Украинки, Павла Тычины и др. до поэмы Андрия Малышко, названной именем Титана. Богатый фактический материал освещается меткими наблюдениями и замечаниями, которые А. Белецкий делает о каждом из названных здесь Прометеев и «однофамильцев» Титана.

Приходится сожалеть, что в такой ценной статье допущены опечатки в датах и названиях некоторых произведений, а также кое-какие неточности: «Амрак» вместо «Амран», год создания «Финикиянок» Фриниха 970 вместо 476 (стр. 50); 1586 г. вместо 1856 г. (прим. на стр. 68); реформа Эфиальта отнесена к 458 г. вместо 461 г. (стр. 16) и др.

Передача «темного» языка и сложной поэтики Эсхила потребовала от переводчика тонкого понимания стиля и большой работы. Б. Тен прекрасно разрешил эту трудную задачу. Из богатейшей сокровищницы украинского языка он взял слова и сочетания, передающие с возможной адекватностью сурово-лапидарную и возвышенную речь поэта, не злоупотребляя при этом ни архаизмами, ни лексическим новотворчеством. Стоит сверить с подлинником хотя бы только первый монолог распятого титана, чтобы в этом убедиться. Не следовало только переводчику тут снабжать обращение Прометей к смеющимся волнам моря примечанием о «разительном контрасте между страданиями Прометей и холодной, равнодушной красотой природы», который Эсхил здесь будто имел в виду подчеркнуть. Такая философия была чужда древнему трагику, и такое противопоставление появилось в более позднее время.

Не совсем точную передачу переводчик допускает только изредка, выбирая недостаточно близкий синоним. Так, например, *Ἐμερόπις* («почтительная», стих. 134) и *πελόρια* (здесь — «великая», стих. 151) переведены одним и тем же эпитетом «святой»; *ζῆμα* (укр. «кара», стих. 330) переведено свободно «дяка», хотя точная передача значения — «кара» не нарушила бы размера стиха. Иногда, стесненный размером, который в переводе везде выдерживается¹, он выпускает слово и тем самым ослабляет смысл переводимого: так, в стихе 966 выпущено слово «твое», имеющееся в подлиннике (*σῆς*, твоей), и рабское служенье Гермеса, о котором, клеймя холопство божественного посланца, говорит Прометей, в переводе заглушено. Добавленный здесь переводчиком эпитет «негидне» этот пробел не восполняет. В стихе 944 не воспроизведена горькая едкость Прометей, о которой сказано в греческом подлиннике (*τὸν πικρῶς ὑβέρτικρον*).

Но, повторяем, такие недостаточные соответствия весьма редки в переводе трагедии, и совсем избежать их, пожалуй, было невозможно. Они являются исключениями в общем добросовестнейшем следовании оригиналу. Мы тут не имеем тех вольностей, которые допущены в некоторых других переводах «Прометей прикованного». При этом верность подлиннику отнюдь не сказалась скрывающимися образом на необходимой творческой самостоятельности, изобретательности и гибкости перевода. В целом и смысл и поэтический стиль трагедии воспроизведены Б. Теном с несомненным талантом.

В качественно новом фольклоре советского народа, чей героический творческий труд «не только возрождает, а превышает старинную легенду о подвигах Геракула и богборца Прометей»², древний миф, переработанный и углубленный Эсхилом, нашел особое преломление и понимание.

Первый полный украинский перевод «Прометей прикованного» нельзя не отметить как еще один радостный факт расцвета Украинской советской литературы, претворяющей в свое достояние лучшие создания классического поэтического наследия.

Н. Сахарный

¹ Условно, так как наша метрика не соответствует метрике греческого стиха.

² М. Г о р ь к и й, Литературно-критические статьи, М., 1937, стр. 487.